

ПСИХОЛОГИЯ
СОЦИАЛЬНЫХ
ЯВЛЕНИЙ

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

Ответственные редакторы:

А. Л. Журавлев, Д. А. Китова

ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Психология социальных явлений

Сборник статей

**Психологические
исследования глобальных
процессов: предпосылки,
тенденции, перспективы**

«Когито-Центр»

2018

УДК 159.9
ББК 88

Сборник статей

Психологические исследования глобальных процессов:
предпосылки, тенденции, перспективы / Сборник статей —
«Когито-Центр», 2018 — (Психология социальных явлений)

ISBN 978-5-9270-0364-8

Работа посвящена острой проблеме современного общества – трансформации психологии и поведения людей в условиях глобальных процессов, а также психологическим технологиям воздействия на человека, группы и общество в целом, анализу психологических детерминант глобальных процессов. Авторы проводят изучение феноменологии проблемы, выявляют психологические предпосылки возникновения и развития нового научного направления – исследования глобальных социально-психологических процессов, раскрывают макропсихологические, групповые и личностные детерминанты развития глобальных процессов; рассматривают влияние информационных технологий на массовое сознание и поведение в условиях развития глобальных процессов, раскрывают механизмы воздействия, в том числе и стратегического, на массовое сознание и поведение людей.

УДК 159.9
ББК 88

ISBN 978-5-9270-0364-8

© Сборник статей, 2018
© Когито-Центр, 2018

Содержание

Предисловие	6
Раздел 1	17
Глава 1	17
Глава 2	23
Глава 3	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Психологические исследования глобальных процессов: предпосылки, тенденции, перспективы: Коллективная монография

Российская академия наук
Институт психологии

Ответственные редакторы:
А. Л. Журавлев, Д.А. Китова

Рецензент:
доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник ИП РАН, профессор *А. В. Сухарев*

Коллектив авторов:

Предисловие – *А. Л. Журавлев*; Вместо введения, Заключение – *А. Л. Журавлев, Д.А. Китова*; гл. 1, 16 – *В.А. Соснин*; гл. 2, 3, 15 – *А.Л. Журавлев, Т.А. Нестик*; гл. 4, 5, 19 – *Д. А. Китова*; гл. 6, 8 – *Т. В. Дробышева, А. Л. Журавлев*; гл. 7, 10, 13 — *А. Л. Журавлев, А. В. Юревич*; гл. 9 – *М. И. Воловикова*; гл. 11 – *А. Л. Журавлев, В.А. Кольцова*; гл. 12 – *В. П. Позняков*; гл. 14 – *А.А. Гостев*; гл. 17 – *Т.А. Нестик*; гл. 18 – *А. А. Грачев*; гл. 20 – *Д. А. Китова, М. А. Китов*; гл. 21 – *М. И. Воловикова, А. Л. Журавлев*

© ФГБУН Институт психологии РАН, 2018

Предисловие

В Институте психологии РАН на протяжении многих лет проводятся комплексные психологические исследования. В их научное основание заложены два целостных подхода – многоуровневый *онтологический* и *антропологический*, в центре которого находится человек во всем многообразии его характеристик, от нейрофизиологических основ психики до ее проявлений в социальном взаимодействии. Одной из ведущих тенденций современных онтологических исследований в ИП РАН выступает разработка основ макропсихологии, ориентированной на исследование психологических проблем современного общества в целом (Журавлев, Юревич, 2014; Ушаков, Журавлев, 2008; Дробышева, Журавлев, 2016; Журавлев, Нестик, 2016а; Соснин, 2016). В эту сферу исследований входит множество проблем общественного развития, такие как нравственное состояние общества, социальное самочувствие населения, психология управления инновационными процессами, обеспечение психологической безопасности граждан, социально-психологические исследования коррупции и т. д. Наиболее актуальным и значимым фокусом исследований социальных явлений, способным привести к полномасштабным изменениям в жизни всего общества, выступает психология массового поведения больших социальных групп. Как известно, поведение больших социальных групп способно вывести общество как на качественно новый виток развития, так и, без надлежащего внимания к нему, втянуть его в социальные катастрофы и даже ввергнуть в хаос.

В период развития информационных технологий (появления современных информационных продуктов, разработанных с использованием Интернета и средств мобильной связи) и одновременного снижения издержек, обуславливающих доступность технологий основной массе населения, происходит формирование новых социальных, экономических и культурных ситуаций развития. Повсеместное распространение информационных технологий вносит решающий вклад в укрепление социальных связей, способствует объединению людей в самые разнообразные группы и общности, формирует новые социальные нормы и модели поведения, которые выходят за рамки географических и политических границ, трансформирует привычные механизмы и схемы функционирования массовых процессов. В связи с этим массовое поведение больших социальных групп обретает ранее неведомые психологические особенности. Например, ярко проявляет себя проблема массовых протестных движений населения, которые могут быть спровоцированы манипулятивным усилием недобросовестных с социально-этической точки зрения (или даже с точки зрения психического здоровья) лиц, ориентированных на получение собственной выгоды. Посредством такого воздействия может управляться массовое социальное поведение как отдельных социальных групп, так и глобальных сообществ. Это воздействие чаще всего используется для дестабилизации определенных социальных, политических, этнических групп или территорий, может доходить по своему эмоциональному накалу до информационных войн и, как показывает мировой опыт, даже перерастать в прямую военную агрессию против суверенных геополитических субъектов.

В связи с меняющейся социальной, технологической и психологической ситуацией развития современной цивилизации, самые разнообразные вопросы социально-политической и экономической обусловленности локального характера, которые возникают в границах одного государства, могут распространяться (иногда мгновенно) за его пределы и обретать характер глобальный. Таким образом, в современном мире возникает и актуализируется вопрос: что же может предложить современная психологическая наука для воздействия на общественные процессы с учетом их глобальной специфики и, возможно, даже для управления ими? Нам особенно важно понять, какие психологические механизмы лежат в основе возникновения и распространения общественных психологических явлений, каковы механизмы воздействия и

управления массовым сознанием и поведением глобальных социальных групп, функционирующих в масштабах государства и/или крупных международных сообществ.

Цель монографии – постановка новых научных и научно-практических проблем общественного характера, осознание вызревающих направлений психологических исследований глобальных процессов, прогнозирование актуальных отраслей соответствующего психологического знания, а также оценка возможностей их развития в условиях зарождения и протекания глобальных процессов, релевантных общемировым тенденциям развития. По большому счету, задача этой монографии состоит в том, чтобы не только показать суть происходящих в России общественных процессов, но и выявить интегральный психологический потенциал современного российского общества и даже сработать на опережение динамически развивающихся социально-экономических ситуаций жизнедеятельности в условиях глобальных изменений... что чрезвычайно сложно.

Психологические предпосылки, тенденции и перспективы развития глобальных процессов (вместо введения)

Глобализация, возникшая изначально в сфере экономических отношений, сохраняет свою экономическую детерминацию, но, в связи с расширяющимися возможностями электронных средств коммуникаций, неуклонно распространяется на различные сферы человеческой жизнедеятельности. Практически ни одно современное государство не свободно от влияния глобальных процессов и не может считать себя закрытой и/или самодостаточной системой. Неуклонно растет и усиливается влияние крупных транснациональных корпораций на национальные экономики, увеличивается скорость перемещения капиталов, создаются предпосылки к разрушению устойчивых экономических систем, изменяется традиционный уклад жизни людей, трансформируются многие мировоззренческие позиции, культурные ценности и поведенческие стереотипы.

Рассматривая глобализацию как доминирующую тенденцию современного мирового развития, одни специалисты видят в ней позитивные социальные аспекты. Так, А. Тойнби и Д. Икеда утверждают, что мы являемся свидетелями возникновения единой цивилизации, зарождение которой начиналось в технологических границах западного мира, но сегодня существенно обогащается духовно, благодаря общему вкладу всех исторических субъектов региональной политики (Тойнби, Икеда, 1998). С этой позицией согласен и У Андерсон, определяющий глобализацию как «поток конвергирующих сил, которые создают подлинно единый мир» (Anderson, 2001, с. 122).

Другие исследователи более осторожны в своих оценках или же очень негативно оценивают будущее глобализации и остерегают человечество от превращения культурного многообразия современной цивилизации в унифицированную, «серую казарму „макдональдсов“, дешевых сникерсов, джинсов, компьютерных игр и оболванивающих телевизионных сериалов» (Арсентьева, 2008, с. 8). Об опасности такой унификации, утверждения на Земле одного культурно-исторического типа, говорил еще Н.Я. Данилевский: господство одной цивилизации, одной культуры лишит человеческий род разнообразия, которое является необходимым условием совершенствования и развития любой цивилизации (Данилевский, 1991).

Осторожное отношение к процессам глобализации сопряжено и с возможными техногенными и экологическими проблемами, которые могут быть ими порождены и уже порождаются. У Бек, немецкий социолог, особую известность которому принесли работы по комплексному исследованию современной глобализации, обращает внимание человечества на возможность глобальных катастроф. Он отмечает, что технологические достижения влекут за собой глобальные проблемы и угрозы, и это формирует «глобальное общество риска» (Бек, 2001). Автор не далек от истины: в ряду *глобальных угроз* современности уже широко выделяются такие

проблемы, как: истощение природных ресурсов, глобальные изменения климата (неизвестной этимологии), многочисленные природные и техногенные катастрофы, бесконечное загрязнение окружающей среды, не всегда подконтрольное распространение в мире оружия массового уничтожения, связанное с этим разрастание террористических угроз, бездумное преследование частных национальных и/или корпоративных интересов ограниченным кругом лиц и т. д. Таким образом, наличие глобальных угроз, необходимость всеобщего противодействия этим угрозам и понимание возможных последствий подобных катастроф для продолжения жизни на Земле – все это становится примечательной особенностью современного этапа мирового развития. А. Печчеи отмечает, что разнообразные и разноуровневые проблемы, связанные с глобализацией, «сцепились друг с другом... опутали всю планету, а число нерешенных проблем растет, и они становятся все запутаннее» (Печчеи, 1980, с. 7).

Есть и третья точка зрения на развитие глобальных процессов. Она сопряжена с эволюционной оценкой происходящего и носит относительно нейтральный характер. В качестве примера можно привести позицию В. А. Рюмина, рассматривающего глобализацию как исторический процесс, который начался в конце XV-начале XVI в. и связан с эпохой великих географических открытий. Этот процесс продолжился и в XVIII в. как порождение промышленной революции и проявление единого мирового пространства, созданного рынком и обменом. Конец же XX в., когда информационные технологии начали размывать территориальные границы и сократились расстояния между странами, является очередным, третьим этапом развития глобальных процессов (Рюмин, 2003).

Существуют и оригинальные оценки и трактовки современного развития глобальных процессов. Так, например, бывший сотрудник британских спецслужб Д. Колеман, автор книги «Комитет 300», утверждает, что вся власть в мире уже давно находится в руках тайного мирового (т. е. глобального) правительства и все человечество обслуживает его узкие интересы (Колеман, 2003).

Тем не менее, какие бы оценки, ожидания и прогнозы ни порождались глобальными процессами у современных исследователей (см., например: Россия в глобализирующемся мире..., 2007), все они согласны с тем, что современный мир переживает некий *критический период* перехода от эпохи «доглобальной» к эпохе «глобальной», определяющийся разными исследователями по-разному: «точка бифуркации», «точка невозврата», «переходный период», «эпоха неопределенности» и т. д.

Все исследователи согласны и с тем, что глобализация – это объективный и неизбежный процесс в истории человечества и нет таких сил (за исключением непредвиденных глобальных катастроф), которые могли бы остановить его. Он порожден не умом и волей тех или иных «глобализаторов» и протекает вне зависимости от желания и воли его противников или сторонников (Касюк, Манохин, Харичкин, 2016, с. 169).

Объективно возможны разные, в том числе и взаимоисключающие, варианты осуществления глобализации – как по ее целям, так и по конкретным путям и средствам их достижения.

Специалисты едины и в оценке глобализации не столько как сформировавшейся реальности, сколько динамично *формирующейся*, – открытой, многокомпонентной и многоуровневой системы, системообразующие факторы которой вырабатываются в самом процессе формирования глобального мира (Арсентьева, 2008).

Здесь сложно не согласиться с мнением, что разработка феномена глобализации обладает небольшой историей, если считать со времени постановки глобальных проблем, а сам термин имеет возраст менее двадцати лет. Поэтому пока объективно трудно ожидать наличия завершенной, целостной и системной научной картины данного явления (Барлыбаев, 2008).

Конечно, рано говорить о точном и всесторонне выверенном определении глобализации в силу еще не сформировавшихся реалий этого процесса. К тому же, «определение глобализации осложняется тем, что научные исследования отражают различные ракурсы видения гло-

бализации, которые различны для специалистов разных отраслей знания и зависят от целей исследования, идеологических ориентиров и т. д.» (Касюк, Манохин, Харичкин, 2016, с. 168). Рано говорить и о раскрытии сущности понятия, его содержательных и структурных элементов, реализации методологических принципов, прикладных направлений исследования и управленческих принципов воздействия на протекание этих процессов, так как и в самой глобализации, и в возможностях ее научного анализа еще много неопределенностей и «белых пятен».

Со своей стороны, хочется добавить, что глобализационные процессы благодаря интернет-технологиям обретают еще и мощные *психологические мотивы развития*, а источником глобальных процессов становится каждый пользователь глобальной Сети. И если ранее «глобализация подталкивалась в основном державами-гегемонами и их ТНК, то теперь этот процесс приобретает мощные собственные движущие силы с новой системой мотивации» (Коллонтай, 2002, с. 27). И эти новые движущие силы глобальных процессов связаны с тем, что «глобализация относится к сжатию мира и интенсификации *мирового сознания как единого целого*» (Robertson, 1998, с. 399).

Такое понимание проблемы становится одним из важных оснований для психологических исследований глобальных процессов. В этой связи *для социальных психологов возникает множество областей исследования психологических аспектов использования Интернета*, которые характеризуются многочисленными преимуществами, угрозами и даже непредсказуемыми последствиями развития социальной реальности. Поэтому исследование виртуальной среды стало первичным источником психологического анализа глобальных процессов. Данной проблеме посвящен первый раздел монографии, отражающий их информационно-психологические предпосылки.

Интернет как всемирная система объединенных компьютерных сетей, с широкими возможностями сохранения и передачи информации, в начале XXI в. поставил перед человечеством проблемы, с которыми оно сталкивается впервые. Влияние Интернета *на массовое сознание и поведение больших социальных групп* населения велико во всех регионах мира, а его осмысление пока еще не может дать однозначных ответов.

Интернет стал источником *новых моделей взаимодействия общества и государства*. В виртуальном пространстве возникли новые политические практики воздействия на массовое сознание и поведение населения. Эти политические практики обусловлены не только спецификой Интернета (возможностью прямой коммуникации, минуя посреднические роли, в частности, контроль властных структур), но и оказывают огромное влияние на особенности и тенденции развития массового поведения и на современные политические процессы в целом.

Как правило, сетевая организация массовых выступлений людей (социальных движений) связана с политико-идеологическими, экономическими и религиозными проблемами их взаимодействия с властными структурами своих государств. Причиной порождения базовой психологической мотивации таких выступлений, как правило, является нарушение *принципа справедливости* (в представлении масс) в идеологической, экономической и национальной политике властных структур (Массовое сознание и поведение..., 2016). «Эта реальность пока не оформлена, поэтому очень сложно говорить о законодательном регулировании информационного пространства. То есть не только национальные государства и не только правительства, не только народ как выразитель суверенитета, согласно прежним теориям, являются политическими акторами, но, благодаря распространению сети Интернета, возникают новые центры притяжения власти, новая элита. Возникает новая модель демократии – электронная демократия, или „демократия участия“» (Лобза, 2002, с. 149–150). Появляются новые политические практики, в основе которых лежит прямая коммуникация между гражданами. Особенно важно разобраться с этими новыми тенденциями с позиции социальной психологии.

Развитие информационных технологий в конце XX – начале XXI вв. привело к образованию *глобального информационного общества*. В этом процессе главную роль играют СМК,

которые могут функционировать в Интернете без контроля со стороны государственных структур. Основная проблема – это изменение роли государства в этих процессах. Изучение роли СМИ и новых информационнокоммуникационных технологий «в настоящее время является одним из самых перспективных направлений в политической теории и междисциплинарных исследованиях» (там же, с. 148). Тем не менее, в современной психологической науке очень мало внимания уделяется анализу групповых факторов обмена знаниями в условиях глобализации и перспективам формирования нового научного направления, связанного с исследованием психологических особенностей развития глобальных процессов в Интернете.

Если отталкиваться от возможностей современного Интернета, то следует отметить, что он является новой сферой социальной реальности, которая опосредует общественные процессы и выступает их своеобразным психологическим отражением. Необходимы исследования новых социальных реальностей, возникающих в Сети, изучение их влияния на психику человека.

Для адекватного понимания данной ситуации было бы полезно начать с рассмотрения социальных возможностей Интернета в самых разных сферах жизнедеятельности общества – в торговле, науке, искусстве, здравоохранении (Воронцова, 2015).

В экономической сфере, например, это может быть создание интернет-магазина, который обладает следующими преимуществами перед аналогичным классическим магазином: небольшой стартовый капитал или его полное отсутствие; возможность работать в домашних условиях и значительно экономить на аренде офиса, торговых и складских помещений; самостоятельная организация рабочего графика, выходных дней и отпуска; комфортные условия труда без строгого дресс-кода и офисной одежды; возможность работы в любом месте, где есть Интернет; отсутствие необходимости тратить время на дорогу к офису и обратно; высокая степень автоматизации, позволяющая минимизировать штат сотрудников. Кроме того, многие направления бизнеса в Сети (создание сайтов, дизайнерские услуги, научные исследования и т. п.) дают хорошую прибыль уже после первого клиента (Бизнес в Интернете..., 2017, с. 2).

В политической сфере преимущества интернет-технологий не менее очевидны. Прежде всего это возможность выхода на глобальный уровень, пересекая государственные границы и минуя правительственные структуры. В частности, всемирный масштаб приобретают современные протестные движения. Только в один день (например, 16 октября 2011 г.) демонстрации против экономического неравенства прошли в 850 (!) городах Европы, США, Канады, Австралии и Японии. При этом участников вдохновляли разные цели и идеалы. Но общий политический и психологический знаменатель был очевиден: рядовых людей – американцев, греков, арабов, русских и многих других – не устраивал сложившийся порядок вещей, поэтому они требовали перемен (Массовое сознание., 2016).

В сфере образования и науки Интернет становится мощным рычагом развития. Так, в «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» одной из важнейших задач определено «расширение использования информационных и телекоммуникационных технологий для развития новых форм и методов обучения, в том числе дистанционного образования и медиаобразования, создание системы непрерывной профессиональной подготовки в области информационно-коммуникационных технологий» (Воронцова, 2015, с. 447).

При изучении *проблемы мотивации интернет-пользователя* представляет интерес вопрос о том, что дает (или не дает) работа в Интернете для развития личности, чем обогащает сферу ее социального взаимодействия (общения) и что дополнительного вносит в технологии достижения профессиональных целей. Такой социально-психологический анализ позволяет трактовать социальные процессы в Интернете как информационные продукты, содержание которых есть проявление интересов и способностей отдельно взятого человека или группы лиц, которые позволяют пользователям Сети достигать следующих задач: создавать сообщества,

объединяющие единомышленников по частным или относительно общим интересам; проводить тематические форумы и телеконференции в режиме онлайн; организовывать профессиональную деятельность (интернет-опросы, интернет-магазины, медицинские консультации и др.).

Подобный подход к исследованию глобальных процессов переводит внимание психологов на *мотивы деятельности пользователей Сети, связанные с удовлетворением потребностей конкретных субъектов*. Например, О. Н. Арестова с соавт. (Арестова, Бабанин, Войскунский, 2017) приводят следующие виды мотивов:

- ♦ *деловой мотив* предполагает поиск конкретной информации, необходимость контактов и взаимодействия с определенными людьми, консультаций и др.;

- ♦ *познавательный мотив* связан с получением новых знаний; это могут быть информация, идеи и мнения, визуальные и слуховые образы или новые сервисные возможности для бизнеса;

- ♦ *коммуникативный мотив* (мотив общения) отражает потребность в социальном взаимодействии, которая характеризуется поиском новых знакомств, обретением нового круга друзей и единомышленников;

- ♦ *корпоративный мотив* (мотив сотрудничества) предполагает профессиональное сотрудничество, обмен результатами деятельности, совместное решение рабочих проблем;

- ♦ *мотив самоутверждения* связан с желанием реализовать свои возможности, получить оценку своего творчества со стороны значимых людей или экспертов;

- ♦ *мотив рекреации* (игровой мотив) направлен на восстановление работоспособности после трудового дня, овладение новыми видами деятельности, тренировку способностей и проверку своих возможностей;

- ♦ *мотив аффилиации* проявляется в потребности принадлежать к определенной группе (сообществу), занимать значимое место в группе, разделять ее ценности и следовать им;

- ♦ *мотив самореализации* выражает осознанное стремление к реализации собственных творческих возможностей (познавательных, коммуникативных, музыкальных и т. д.);

- ♦ *мотив саморазвития* связан с возможностью удовлетворения познавательных способностей, общения с компетентными людьми, создания в Сети новых продуктов (интеллектуальных, музыкальных, художественных и т. п.).

Выделенные виды мотивов репрезентируют основные описанные в психологии виды *мотивационной направленности личности*: продуктивную, социально-коммуникативную, познавательную, развивающую. А Интернет, в свою очередь, становится источником удовлетворения всех этих потребностей.

Как уже отмечалось выше, в основе глобальных процессов определяющую роль играет экономический фактор. В связи с этой позицией, наше внимание также должно быть обращено на *экономико-психологические предпосылки развития глобальных процессов*.

При таком подходе вновь встают вопросы. В какой степени транснациональные идентичности, связи и пространства укрепляются и бросают вызов существующим социальным структурам в сфере экономики (Шебанова, 2010)? Возможно ли, что транснациональные корпорации «в сущности, создадут параллельные властные структуры» по отношению к традиционным правительствам (Глущенко, 2005, с. 75)? Будет ли усиливаться возрастающая мобильность интеллекта («циркуляция умов»), станет ли Интернет каналом импорта-экспорта культурных образцов, освобождения культурного и социального капитала от территориальной референции, трансграничного обмена социальным опытом и профессиональными навыками (Migration and Development., 2013)? Как будет видоизменяться человеческий капитал (культура его использования и развития), «который имеет возможность воплотиться как на уровне масс, так и в проектах современных политических элит, обладающих наиболее мощ-

ными рычагами влияния на общественные процессы» (Шебанова, 2010)? Придет ли на смену «преобладавшим ранее принципам доминирования принцип квалификации, обеспечивающей включенность в транснациональные элитные сети» (Шебанова, 2010, с. 221)? Возможно ли «преодоление позиций разделения на „своих“ и „чужих“, что будет обуславливать интеграцию в институциональные структуры не „своих“ государств, а „лучших“» (Боммес, 2005)? Возможна ли социально-экономическая «консолидация на основе транснациональных структур и вне логики национальных границ, позволяющая преодолевать отсталость традиционных систем», – в частности, экономических (Шебанова, 2010, с. 219)?

С экономической точки зрения активность человека в Интернете является новым видом деятельности, который сочетает в себе психологические свойства и особенности традиционно выделяемых видов деятельности. Как любая деятельность, она имеет свои цели и мотивационную основу, что находит отражение в анализе социальной психологии российского предпринимательства. При этом цели экономической деятельности остаются неизменными как в реальной практике, так и в Сети, а вот мотивы использования интернет-технологий, выступая новыми психологическими явлениями, – структурными элементами экономической деятельности, ранее неизвестными по своему психологическому содержанию, – переводят анализ происходящих перемен из различных социальных сфер деятельности в лоно *психологической науки*.

В современном российском обществе сложились два самостоятельных подхода к подготовке человека к экономической деятельности. Первый подход – это формальное обучение молодежи в системе профессионального и вузовского образования, а второй сопряжен с экономической социализацией, которая включает в себя развитие способности к присвоению экономического опыта, его переработке и воспроизводству. Процесс экономической социализации человека сопряжен с традиционным отсутствием в России системы формирования общепринятых экономических ценностей и нормативных моделей экономического поведения. В условиях отсутствия такой системы человек вынужден осваивать социально-экономическую среду лишь на основе собственного опыта, что может приводить к различным психологическим трудностям. Российское общество крайне остро нуждается в институтах экономической социализации личности, которые могли бы оказать позитивное влияние на стабилизацию экономической ситуации и развитие института предпринимательства.

В свою очередь, развитие института предпринимательства позволит решить многочисленные социально-экономические проблемы: противостоять монополизации рынка, снизить уровень безработицы, ускорить научно-технический прогресс, способствовать формированию среднего класса и т. д. Развитие предпринимательства через целенаправленное формирование предпринимательских навыков может в значительной степени определять реальный тип экономического поведения человека, служить интеграции россиян в мировое экономическое, политическое, социальное и культурное пространство, должно стать важнейшим направлением концепции государственной политики.

Переход от командно-административной системы к рыночным отношениям, осуществленный в современном российском обществе, требует формулировки проблемы изменения экономического сознания личности и группы в условиях вторичной экономической социализации. Проблема соотношения психологических и социальных факторов разного уровня (макро- и микросреды) в различные периоды развития российского общества остается по-прежнему открытой. В монографии ставятся вопросы о роли активности личности и группы в совладании с изменяющимися экономическими условиями российского общества. Рассмотрение экономико-психологических позиций осуществляется через обращение к процессу формирования и развития социально-экономической микросреды в России как к личностной и социальной проблеме.

Анализу *социально-психологических предпосылок глобальных процессов* посвящен третий раздел монографии. В связи с глобализацией в жизни каждого человека происходят различные изменения. Это и столкновение различных культур в рамках одной человеческой жизни, и возможность виртуального взаимодействия и общения с представителями различных стран, «когда культурные, политические, экономические и правовые границы перестают совпадать» (Бек, 2003, с. 27), что вынуждает говорить и о «специфике космополитического самосознания, связи локального и глобального, дистанцировании от собственной культуры, принятии многообразия других, утрате значимости национальных идентичностей, принадлежностей, лояльностей» (Joppke, 1997, с. 263). Для понимания психологических предпосылок происходящих изменений считаем необходимым исследовать особенности потребностей, мотивов, эмоций, личностных характеристик человека (например, предприимчивость) и его психологических ресурсов, способствующих как его адаптации, так иногда и усилению глобальных процессов, ведущими из которых выступают экономически обусловленные мотивы. Среди экономических мотивов можно выделить потребность личности в экономическом благополучии. Это и экономико-детерминированные цели, которые присущи практически каждому молодому человеку, и экономическая неустроенность основной массы населения, и необходимость адаптации к рыночным условиям в период вторичной экономической социализации. Все эти проблемы находят отражение во втором разделе монографии.

С социально-психологических позиций глобализационные процессы тоже вызывают много вопросов. Произойдет ли принципиальное изменение форм взаимодействия различных национальных культур, опирающихся прежде всего на свое историческое прошлое? Каковы будут последствия современной перестройки индивидуального и коллективного сознания (Шебанова, 2010)? Как будет существовать «общая, разделяемая всеми убежденность, на фоне которой происходит институционализация глобальных норм, – например, транснационализация холокоста» (Бек, 2003, с. 40)? Можно ли будет говорить о чувстве глобальной ответственности в едином мировом сообществе, в котором, возможно, уже не будет существовать отдельных, самостоятельных государств (Levy, 2001, с. 37)? И т. д.

Для ответов на эти вопросы было бы целесообразно, на наш взгляд, обратиться к рассмотрению психологических особенностей современных социальных изменений, связанных с влиянием на развитие глобальных процессов групповых психологических феноменов. В первую очередь было бы интересно понять общие коллективные смыслы, которые могут выступить предпосылками личного переживания, что позволит рассмотреть мотивационный и эмоционально-чувственный потенциалы личного в социальном, а социального – в развитии глобального взаимодействия людей. Не менее интересен анализ вопросов, связанных с историческими предпосылками и современными тенденциями урбанизации как склонности людей к объединению в большие социальные общности. С пониманием психологической сущности коллективных психологических особенностей, лежащих в основе сплоченности общностей, лежит и присущее человеку желание делиться с окружающими радостными событиями. В нашем конкретном случае поиск будет вестись через психологический потенциал государственных праздников, через анализ значения праздников для личности и общества. Все эти проблемы раскрываются в третьем разделе монографии, который посвящен социально-психологическим предпосылкам глобализации.

Макропсихологическое состояние российского общества в условиях глобальных процессов проанализировано в четвертом разделе монографии на основе обращения к макропсихологическим тенденциям общественного развития. В рамках данной темы также возникает большая совокупность вопросов. Ожидать ли россиянам «нарушения привычной логики межгосударственных взаимодействий» (Бредникова, Кайзер, 2004, с. 37)? Как быстро процессы глобализации будут вынуждать правительства «включать в повестку новые вопросы, мобилизовать новые группы электората, по-иному формулировать понимание интересов граждан и

приводить порой к государственным преобразованиям» (Khagram, Riker, Sikkink, 2002, p. 19)? Будет ли усиливаться транснационализм, и «будут ли транснациональные сообщества все сильнее влиять на деятельность, отношения и идентичности все большего числа людей» (Castles, Miller, 2003, p. 221)? Что можно предложить российской власти с позиции психологической науки в глобальном взаимодействии трех основных парадигм развития цивилизации – западной, восточной и российской (Массовое сознание., 2016, с. 19)? Способен ли Интернет искоренить веру в якобы естественную уловку (artifice) в виде «общества» и поощрить саморефлексию различающихся между собой и переплетенных друг с другом типов современности (Бек, 2003, с. 32), или же можно утверждать, что «в психологическом измерении, вопреки стереотипам, идея „Родины” не потеряет смысла, а напротив, обретет дополнительный смысл „пространства ответственности”» (Migration and Development., 2013)? Будет ли усиливаться чувство причастности к макропсихологическим событиям у рядового населения (феномен соучастия является важнейшим социально-психологическим фактором воздействия Интернета на массовую аудиторию, как и феномен сочувствия)?

Все эти вопросы пока не имеют ответов, но обращение к анализу макропсихологического состояния современного российского общества, изучение психологических аспектов поиска российской национальной идеи, сущностных психологических характеристик и психологических факторов становления и развития российского менталитета, – все это позволяет выявить тенденции и наметить перспективы развития общественных процессов в условиях глобализации. Целью четвертого раздела, конечно же, является выделение психологических факторов в структуре глобальных макропсихологических процессов.

В продвижении к пониманию обозначенных выше вопросов существенную поддержку могут оказать обращение к проблемам избыточного неравенства доходов в современном обществе, выделение системы факторов, определяющих внутреннее противоречие глобальных процессов, которое, на наш взгляд, состоит в нивелировании культурных особенностей, с одной стороны, и в сохранении национальной и культурной самобытности государств как субъектов исторического процесса – с другой.

Немало полезного в поисках ответов на глобальные вызовы современности могут дать научные исследования социальной психологии российского предпринимательства и анализ возможных точек практического приложения результатов этих исследований. Глобальные проблемы обостряют актуальность общенациональных смыслов, главными среди которых являются объединяющие нацию идеи, в различных социогуманитарных науках получившие собирательное обозначение «*национальная идея*». Неминуемо встает вопрос: в чем именно эта идея может заключаться? Поиску макро-психологических маркеров российского общества в условиях развития глобальных процессов посвящен четвертый раздел монографии.

Социокультурные и социально-психологические детерминанты глобальных угроз и возможностей противодействия им представлены в пятом разделе монографии. Здесь можно найти анализ психологических последствий избыточного неравенства доходов, психологических технологий манипулирования сознанием человека, глобальных рисков и отношения к ним в современном российском обществе. Ведется поиск путей противодействия глобальным вызовам.

В этом направлении тоже возникает ряд трудноразрешимых проблем: как сильно возрастут в Сети технологии манипуляций? Получат ли серьезное распространение негативные информационные технологии «Модель провокации», «Модель провокационного шума», «Модель открытого диалога»? Как быстро будет распространяться интернет-информация и будет ли эта информация снижать эффективность традиционных СМИ? Какие технологии будут использоваться среди лидеров протестных или деструктивных движений? Какие информационные стратегии станут адекватным ответом в условиях надвигающегося глобального

кризиса? Какие информационные источники и как будут определять развитие современной цивилизации? Что в этой связи может предложить психологическая наука?

Интернет-пространства не только создают новые возможности для развития человеческого сообщества, но могут таить в себе и угрозы как личностному, так и общественному развитию и благополучию. Через социальные сети Интернета, минуя официальные каналы, возможна организация массовых мероприятий и групповых выступлений, прямая трансляция идейных, религиозных и других ценностных представлений, включая оппозиционные (и провокационные), для мобилизации протестных движений. Властным структурам необходимы новые технологии управления этими процессами в интересах стабильности функционирования государства в радикально изменяющихся условиях.

Важная социально-психологическая проблема исследования угроз, исходящих из виртуального пространства, сопряжена с возрастными особенностями пользователей Сети. В исследованиях этой проблематики специалисты уделяют особое внимание составу интернет-аудитории, в том числе и в нашей стране (Овчинников, 2005; Чугунов, 2000; Вершинин, 2001; Vartanova, 2004). Изучать интернет-аудиторию в России начали со второй половины 1990-х годов, когда число пользователей превысило полмиллиона человек. Данные об их социальном составе в настоящее время свидетельствуют о следующем. Во-первых, молодые, образованные и обеспеченные в материальном плане пользователи интернет-сетей – привлекательный объект внимания организаторов массовых социальных движений по самым разным основаниям (политическим, экономическим, религиозным, деструктивным и др.); во-вторых, политическое, экономическое и культурное влияние интернет-пользователей, проявляющих реальную социальную активность, начинает в разы превышать долю социальных активистов в общей совокупности населения страны; в-третьих, динамичность и открытость интернет-аудитории позволяет успешно представлять в Интернете и реализовывать в том числе и такие идеи и убеждения, *которые не нашли бы поддержки у большей части населения.*

«Есть основания говорить о том, что состав аудитории и технические возможности превращают Интернет в уникальную среду с совершенно новым уровнем свободы, открытости и коммуникации» (Лобза, 2002, с. 222). Эти данные имеют важные следствия не только для изучения социально-психологических (прежде всего групповых) и индивидуально-психологических (личностных) факторов использования интернет-технологий, но и для анализа психологических опасностей виртуального пространства для еще не окрепшего юношеского сознания. Данные позиции актуализируют проблему *стратегий противодействия глобальным информационным угрозам* молодежной аудитории Сети и снижению негативных социальных последствий этих угроз.

Исследование глобальных угроз должно ориентироваться и на поиск путей и способов противодействия им. Изучение *социально-психологических стратегий противодействия глобальным угрозам* также предпринято в пятом разделе монографии. Психологические основания нравственного развития, выстраиваемые на синергии принципов «морального релятивизма», отражающих особенности российской культуры, и принципов «морального универсализма», имеющих всеобщее значение для любой культуры и каждого человека, стали основой осмысления проблемы. В частности, рассмотрены возможности психолого-мировоззренческого противодействия терроризму в современном мире, духовно-нравственные технологии противодействия глобальным манипуляциям в мировом информационном пространстве, место нравственной элиты в общественной жизни современной России и мирового сообщества, уделено внимание развитию личностных ресурсов молодежи как фактора противостояния глобальным рисками и угрозам. Таким образом, психологические стратегии противодействия глобальным угрозам связаны с осмыслением человеком своего места в жизни общества, с пониманием сложной природы общественного устройства и его динамики, с фор-

мированием ответственности перед настоящими и будущими поколениями, со стремлением к позитивному вхождению личности в мультикультурную социальную среду современного мира.

С конца прошлого века в условиях непрерывного усиления международных интеграционных процессов мировое сообщество начало остро осознавать необходимость координации и регулирования мировых глобальных процессов. Такое понимание уже стало очевидной необходимостью и даже успело обрести практическую реализацию в деятельности международных организаций – Организации объединенных наций, Большой семерки, Большой двадцатки, Всемирной торговой организации, Содружества независимых государств, Европейского союза, Евразийского таможенного союза и др.). Однако до сих пор остается пока не до конца понятным, какие концепции, принципы, технологии и механизмы должны быть положены в основу глобального регулирования. В этой связи в рамках нашего исследования становится целесообразным говорить о необходимости развития социально-психологических концепций воздействия на большие социальные группы трансконтинентального уровня, а возможно, и управления ими.

В заключительном, шестом, разделе монографии рассматриваются социально-психологические условия и перспективы глобальных процессов. Первый вопрос, который возникает при таком подходе, связан с осознанием роли психологических технологий воздействия на глобальные процессы, второй – с пониманием универсальных психологических принципов регулирования, которые будут интегрировать в себе содержание гуманистических концепций и концепций сотрудничества. Данные позиции анализа касаются многих актуальных проблем, в том числе: концепций глобального развития, возможности формирования общемирового сообщества и глобальной идентичности, проблемы жизненных ориентаций человека, роли предпринимательства в усилении глобальных процессов, различных психологических ресурсов социально-экономического взаимодействия.

Все поставленные выше и другие вопросы пока не имеют ответов. Новая проблематика, возникающая на пороге тысячелетий и связанная с использованием интернет-технологий в воздействии на массовое сознание и поведение, становится объектом самого пристального профессионального внимания и исследования представителей социогуманитарных наук, – в частности, социальной психологии. Главная проблема двудеина и базируется на решении двух вопросов: угрожает ли глобализация национальным суверенитетам государств и способна ли она привести – через преодоление или разрушение многочисленных политических, экономических, правовых и культурных барьеров и границ – к созданию глобального мирового сообщества?

Раздел 1

Информационно-психологические предпосылки глобальных процессов

Глава 1

Интернет-технологии в основе трансформации массового сознания и поведения

Прежде чем обсуждать влияние современных интернет-технологий на социополитическую ситуацию в России, в том числе на массовое сознание и поведение больших групповых образований, необходимо сказать несколько слов о возникновении информационно-сетевого общества в России и его влиянии на все социальные, экономические и политико-идеологические процессы. Воспользуемся рядом базовых работ западных исследователей, посвященных развитию Интернета (см., напр.: Castells, 2004, 2009; Ling, 2008; и др.).

Информационные сети и сетевое общество: основные положения

Коммуникационные информационные сети (виртуальные сети) – это контакты людей, которые созданы и рассредоточены во времени и пространстве (Monge, Contractor, 2003). Эти потоки сетевой информации, циркулирующие через каналы связи между индивидуальными пользователями, являются базовыми психологическими каналами в сети. Сетевая коммуникация в Интернете определяется возможностями предлагаемой провайдером программы, которая задает цели и правила функционирования. Информационные сети могут конкурировать или сотрудничать между собой. Сотрудничество основано на развитии взаимовыгодных связей между сетями. Конкуренция заключается в способностях одних сетей «преодолевать» функционирование других.

Социальные сети Интернета включают новых пользователей и новые контакты в процессе социальной организации при относительной независимости от властных силовых центров. Виртуальные сети, основанные на современных электронных технологиях, превратились в наиболее эффективную форму организации социальных связей, благодаря главным особенностям сетевых коммуникаций: гибкой мобильности и живучести и гибкости сетевых структур: они позволяют перестраиваться в соответствии с изменениями внешних параметров среды и с сохранением своих целей при изменении своих компонентов.

Все эти технологии и их возможности используются людьми (глобальными субъектами, государствами, различными социальными группами и индивидуальными пользователями этих сетей) для реализации конкретных целей: политико-идеологических, экономических и культурных, включая межличностные потребности (Чугунов, 2000; Овчинников, 2002).

Коллективные массовые действия социальных движений в сетевых структурах Интернета имеют целью внедрить новые «инструкции» и «новые коды» поведения в сетевые программы (Castells, 2004, p. 34).

В работе М. Кастельса «Власть коммуникации» (Castells, 2009) рассматривается общая проблематика власти как феномена в сетевой компьютерной цивилизации в начале XXI в. Приводятся выводы и обозначаются тенденции развития мировой цивилизации на перспективу, в том числе и в сетевом компьютерном сообществе. В работе содержатся обширные статистиче-

ские данные состояния общественного сознания и психологических установок народов более 60 стран мира.

Сфера властных взаимоотношений в современном мире изменилась в двух аспектах. Во-первых, основное внутреннее противоречие транснациональной глобализации состоит в нивелировании культурных особенностей, с одной стороны, и в сохранении национальной и культурной самобытности государств как субъектов исторического процесса – с другой. Во-вторых, властные структуры уже организованы и функционируют в сетевых структурах Интернета, несмотря на продолжающееся доминирование авторитарных структур управления.

В этой связи возникает вопрос: как властные полномочия реализуются в сетевых структурах, какие факторы включены в базовые структуры общества и во властные взаимоотношения?

Способности участников виртуальных сетей (и государств, и оппозиции в широком смысле) разрабатывать, обосновывать и транслировать властные установки генерируют основные цели сетевых программ, которые формируются в различных вариантах и культурных контекстах. Кастельс является сторонником создания *глобальной культуры*, которая объединит национальные культуры отдельных государств, не подавляя их (Castells, 2009, p. 51–53)¹. Другими словами, по мнению современных специалистов, есть потребность создавать глобальную культуру, которая внесет свой специфический вклад в «культурные идентичности» государств. Например, сторонники глобализации по западному сценарию С. Лаш и К. Лури (Lash, Lury, 2007) утверждают: для того, чтобы глобализация мира осуществилась и стала доминирующей, необходимо оценить различия отдельных культур и включить их специфические культурные особенности в глобальную культуру. Однако возникает вопрос – как именно?

Аналитический обзор проблематики, связанной с развитием интернет-технологий в России, представлен в работе Е. Варгановой «Русское сетевое общество» (Vartanova, 2004). Она отмечает, что концепт «информационное общество» в применении к российским обстоятельствам помогает лучше понять существующую ситуацию.

Основной конфликт, возникший на рубеже тысячелетий, был вызван противоречиями политики центральной российской власти и необходимостью выживания страны, удовлетворения базовых интересов народа. Он был связан с размерами страны, с экономическими противоречиями, с мультикультурной спецификой и с тенденциями децентрализации.

Идея использования высокого потенциала Интернета в воздействии на массовое сознание и поведение больших социальных групп была поддержана российскими интеллектуалами – учеными, журналистами, общественными деятелями. Однако их упования на прогресс в России в связи с развитием Интернета были связаны с признанием ведущей роли в этом Запада – США, государств Европы и ряда государств Азии. В то же время была надежда, что пользователям России Интернет принесет ряд выгод и в политическом, и в социальном плане (в социальной коммуникации и в сфере межличностных контактов). Идея «взаимности», прямой коммуникации между государственными структурами и гражданами вызвала наивные политические представления и ожидания среди российской интеллигенции (Овчинников, 2002; Виртуальные надежды., 2002). До сих пор остро стоит проблема защиты в СМК и Интернете национальной культурной идентичности народа России.

Одна из причин, почему российские граждане отнеслись к Интернету с таким энтузиазмом, объясняется просто: возможности личных коммуникаций и общения без идеологических ограничений. Студенты, школьники и активные профессионалы являются основными пользователями новой информационной среды. Частный бизнес, особенно банки и сервисные ком-

¹ Однако принцип глобализации в реальной международной политике и идейном противоборстве основных исторических субъектов предполагает доминирование западной цивилизационной парадигмы развития, ориентированной на разрушение национальных идентичностей традиционных коллективистических государств, к которым принадлежит и Россия.

пании, представляют активную силу продвижения информационных технологий. Интернет в России взял на себя роль важного политического коммуникатора. Для политической российской элиты (особенно оппозиционной) возникли новые возможности манипуляции общественным сознанием и поведением людей. Однако политическая информация, распространяемая по сетям Интернета, остается, как утверждает Е. Вартанова, под жестким контролем государственных структур России.

Динамика возникновения оппозиционных протестных движений в сетевом информационном пространстве

Динамику протестных движений за социальную справедливость в виртуально-сетевых структурах Интернета можно рассматривать в аналитическом плане с трех позиций (Juris, 2004, p. 342): технологий, способствующих активности протестных движений, организационных форм активности социальных движений и политической модели взаимодействия между активистами этих движений.

Проследим логику становления глобальных движений за социальную справедливость. Они возникли в виртуальных сетях как альтернативный политический проект, основанный на выражении различных форм борьбы (локальных и глобальных) против разрушительных тенденций корпоративной глобализации.

Во-первых, эти движения действительно глобальны. Осуществляя координацию и коммуникацию через транснациональные сети, их активисты смогли принять участие в различных сферах международной политики государств и в кампаниях протеста в различных регионах мира: например, кампании против североамериканского договора о свободной торговле (NAFTA), против многостороннего договора об инвестировании (MAI), межнациональный форум за гуманизм против неолиберализма, движение за глобальное сопротивление в Каталонии и т. д. (см.: Juris, 2004, p. 341–345).

Во-вторых, эти движения являются информационными. Используются различные протестные тактики: массовые представления уличного кукольного театра, уличные карнавалы, силовые сопротивления действиям полиции и т. д. Насилие как силовая форма коммуникаций является еще одной формой символической коммуникации. Примеры таких тактик распространяются глобальными сетями: воспроизводятся, трансформируются и поддерживаются традиционными СМК на различных уровнях.

В-третьих, глобальные протестные движения организуются вокруг гибких децентрализованных сетей, отражающих доминирующую логику информационной среды. Практически они составляют различные сетевые формы, включая иерархические «повторяющиеся» модели и более децентрализованные конфигурации (многоканальные) на локальных уровнях.

Виртуально-сетевые практики организационных форм протестных движений

Интернет предоставляет социальным движениям не просто технологическую структуру, – его сетевая структура подкрепляет организационную логику политической активности. Децентрализованные гибкие сети составляют доминирующие организационные формы движений за глобальную справедливость.

Теоретики «Нового социального движения» (NSM) давно утверждают, что, в отличие от централизованных вертикально интегрированных движений рабочего класса, движения феминисток, экономические и студенческие движения организованы вокруг гибких дисперсных сетей (Cohen, 1985; Cohen et al., 2000; Collins, 2001; Gerlach, 2001; McAdam, 2003; Hine, 1970).

В целом социальные движения – это комплексные культурные явления социальной активности, выражающиеся во внутренней дифференциации, спорах и противоречиях различных сетевых движений.

Культурные противоречия движений, выражающие идеологию (антиглобализм или антикапитализм), стратегии (организация саммитов или локальные движения), тактики (насилие или ненасилие), как и организационные формы принятия решений (структурные решения или неструктурные, согласие или голосование), – это и есть культурная политика сетевых структур протестных движений. Их противоречивая логика зачастую приводит «к борьбе на поражение», к разладу в рамках общего обозначения «социальные движения за глобальную справедливость» (Juris, 2004).

Самоорганизация виртуальных сетей: социальные движения как возникновение политического тренда и культурного идеала

Интенсивное развитие виртуальных сетей – это не просто конкретная организационная цель. Это также важная культурная цель сама по себе. Самовоспроизводящиеся, развивающиеся и автономно управляемые сети становятся в определенном смысле культурным явлением и идеалом.

Данный идеал обеспечивает не просто эффективную модель политической организации протестных движений, но выступает также как модель реорганизации общества в целом. Доминирующую тенденцию, лежащую в основе многих социальных движений, можно охарактеризовать как анархическую или «либертанскую» (например, PGA – Network Organizational²).

Классические анархистские принципы, такие как автономия, самоуправление, федеративное устройство, прямое действие, прямая демократия, являются наиболее важными ценностями радикальных движений за социальную справедливость. Их сторонники, используя новые сетевые технологии и практики коммуникации, координации и самоорганизации, создают новые организационные формы на основе сетевых структур, которые представляются в качестве символов возникающего политического и культурного идеала.

Вместе с тем социальные движения за глобальную справедливость являются исключительно противоречивым социально-политическим феноменом. Так, сторонники марксистских и социально-демократических взглядов ратуют за возврат к национальному государству как центру контроля над глобальной экономикой. Другие движения поддерживают интернациональную форму глобализации снизу (Breche et al., 2000). В этом случае транснациональные движения представляют возникающее глобальное гражданское общество. Активисты движений либеральных сетей Интернета рассматривают социальные движения как политическую альтернативу государству. Многие активисты экологических движений и воинствующие сторонники антикапитализма делают акцент на локальных проблемах. Другие разделяют взгляд на успех децентрализованных интернет-сетей как глобально координированных, автономно самоорганизующихся движений (Juris, 2004, p. 356).

Объединяет различных представителей социальных движений одно – стремление *помогать людям устанавливать демократический контроль над своей повседневной жизнью* (Melucci, 1989). Социальные движения, переходя от сопротивления и противодействия к альтернативным политическим проектам, вращаются вокруг двух форм участвующей демократии: одна связана с политическим представительством во властных структурах, другая – с гибкой координацией и прямым участием в децентрализованных сетевых формированиях.

² PGA (People's Global Action), или «Глобальная акция масс», – это международная сетевая структура, которая была основана в 1998 г. стихийными движениями, принимавшими участие в межконтинентальной встрече за гуманизм против неолиберализма, организованной в Испании годом ранее.

Политические партии, профсоюзы и формальные организации гражданского общества действуют на основе представительской логики, а социальные движения функционируют как лоббистские группы, используя стихийное массовое давление на институциональные структуры, которые, в конечном счете, вырабатывают и обеспечивают выполнение политических предложений. В этом отношении Дж. Джурис, видный исследователь глобальных социальных движений, высказал императивное пожелание: «Движения, партии и профсоюзы должны действовать вместе, каждая сторона должна участвовать, занимая свою нишу и выполняя различные, но взаимодополняющие роли» (Juris, 2004, p. 356).

Некоторые сетевые движения формулируют более радикальную цель – *преодоление и рынка, и государства*. Прямые демократические формы деятельности оппозиции были исторически связаны с локальными (национальными) контекстами, новые сетевые технологии и практики способствуют появлению инновационных экспериментов с массовой демократией, координируемой на локальном, региональном и глобальном уровнях. В этом смысле следует согласиться с мнением Джуриса: «низовые сетевые структуры и движения можно рассматривать как “демократические лаборатории”, продуцирующие политические нормы и формы, наиболее приемлемые для информационной эры» (ibid., p. 357).

Анализ виртуально-сетевых практик организационных форм протестных движений, самоорганизации виртуальных сетей и социальных движений как «раскрутки» политического тренда помогают понять психологическую динамику их функционирования.

Перспективы дальнейших исследований

В первую очередь необходимы исследования психологии восприятия виртуального пространства и психологических последствий нахождения человека в этом пространстве. В России такие исследования пока фактически отсутствуют, в отличие от международной практики. Оправданно проводить их социальным психологам совместно с психофизиологами и со специалистами других общественных дисциплин (по аналогии с исследованиями проблем наркомании: Соснин, 2013).

Кроме того, необходимы масштабные исследования мотивации пользователей Интернета, социопсихологической таксономии их групповых образований. Данные этих исследований будут давать ориентиры психологического управления массовыми групповыми процессами в стране и полезны в практическом плане.

Естественно, необходимы и мониторинговые исследования отношения населения к различным сферам социальной жизни общества в связи с новыми реалиями. Эти исследования пересекаются с исследованиями социологов. Подобные макропсихологические исследования способствуют более глубокому пониманию мотивации массового поведения, в том числе протестного поведения больших социальных групп.

Прикладные социально-психологические исследования – пока не разработанная область психологической науки, которая требует участия психологов и представителей правоохранительных структур. Это прежде всего разработка системы социально-психологического сопровождения, воздействия и влияния на социальное поведение больших социальных групп (социальный контроль, психологическая поддержка, обратная связь, противодействие и т. д.). Особенно важно наметить проблематику психологии взаимодействия правоохранительных структур с массовыми выступлениями населения.

Во-первых, необходим анализ *массового поведения* в экстремальных ситуациях с риском для жизни, его объяснение и понимание с позиции новых подходов, изучение эффектов повышения групповой солидарности и трансформации групповой идентичности в условиях угрозы жизни. Показано, что коллективное поведение в экстремальных ситуациях в большей степени характеризуется социальностью (взаимопомощью, сохранением порядка, уважением к детям,

старикам и женщинам), а не индивидуальной инстинктивной конкуренцией (в соответствии с классическими теориями). Эти параметры массового поведения необходимо и практически разрабатывать, и использовать в прикладном плане.

Во-вторых, нужен анализ деятельности правоохранительных структур государства с позиции новых подходов в выполнении своих профессиональных функций по обеспечению общественного порядка.

Академические социальные психологи проанализировали и обобщили научно-исследовательскую информацию по проблематике взаимодействия правоохранительных структур государства с социальными движениями, вопросы о необходимости работы со стихийными массовыми выступлениям населения и управления массовыми процессами в новых условиях. Проведение прикладных исследований в этой сфере главным образом берут на себя академические психологи (В. А. Соснин, А. П. Назаретян и др.), которые не могут предоставить технологии практического решения этих задач (оперативных, тактических или технических), поэтому многое будет зависеть от деятельности аналитических *структур правоохранительных органов и их реагирования*.

В целом исследования с позиции теории социальной идентичности имеют большие перспективы для разработки прикладных аспектов воздействия на массовое поведение.

Глава 2

Психологические факторы негативного отношения россиян к новым технологиям

Растущая скорость изменений в сфере технологий делает актуальной проблему их осмысления современным человеком, повышает востребованность осознанного, рефлексивного отношения общества к технологиям и их регулированию. Технофобия как негативное отношение к передовым технологиям может рассматриваться в качестве естественной реакции общества на «шок будущего»: темпы технологического прогресса опережают формирование способности членов общества осмысливать изменения и вырабатывать социальные соглашения по поводу использования новых технических возможностей.

Технофобия как культурный и психологический феномен

Возникнув в конце XVII в. в ответ на промышленную революцию, технофобия проявляется и в последующие века, вызываемая объективными факторами: в XIX в. – сокращением рабочих мест в связи с механизацией; в XX–XXI вв. – автоматизацией труда, использованием оружия массового уничтожения (газовые атаки Первой мировой войны, уничтожение Хиросимы и Нагасаки атомными бомбами США во Второй мировой войне), ростом масштабов техногенных катастроф, экологическими последствиями применения химических и биологических технологий. С появлением Интернета к этим факторам добавились угрозы, связанные с кибер-преступностью, а также с расширяющимися возможностями слежения за человеческим поведением и контроля над ним с помощью цифровых технологий (Россия..., 2007; Солдатова, Нестик, 2013).

По оценкам исследователей, около половины людей в современном мире подвержены тем или иным формам технофобии (Brosnan, 1998). У коллективных страхов по поводу технологий есть объективные причины. Между появлением новой технологии и обнаружением ее негативных последствий нередко проходит много времени. Примером этого может служить асбест, который до выявления его вредоносности на протяжении десятилетий принято было считать абсолютно безопасным, инертным и рентабельным материалом (Гребенщикова, 2011). Трудности прогнозирования последствий новых технологий усугубляются отсутствием социально-гуманитарной экспертизы научных открытий, а также отсутствием в научном сообществе единой позиции по поводу социальных последствий технологий (Гаранина, 2012).

В массовом сознании образ «опасной технологии» был закреплён и получил широкое распространение благодаря кинематографу: вспомним такие киноэпопеи, как «Терминатор», «Матрица», «Обитель зла», «Крикуны», противостояние естественного и искусственного в блокбастерах «Я – робот» и «Аватар». Техно-оптимизму науки противостоит техно-пессимизм научной фантастики, находящий свое выражение в книгах и комиксах, фильмах, компьютерных играх и т. п. (Dinello, 2005). Неудивительно, что негативное отношение к новым технологиям может быть устойчивым, даже несмотря на позитивное их освещение в СМИ (Metag, Marcinkowski, 2014).

Исследования свидетельствуют о существовании кросс-культурных различий в уровне технофобии. На заре распространения Интернета в США тревогу перед компьютерами испытывали 34 % студентов, тогда как в Японии и Индии соответственно 58 % и 82 % (Weil, Rosen, 1995). Такие различия могут быть связаны не только с уровнем технологического и экономического развития страны, но и с ее культурой (Zakour, 2007). В частности, долгосрочная ориентация снижает воспринимаемую трудность овладения технологией, тогда как избегание

неопределенности (Журавлев, Нестик, 2010б) повышает ее; индивидуализм ослабляет влияние значимых других на отношение к технологии, а маскулинность культуры увеличивает ожидаемую пользу от использования технологии (Osiceanu, 2015).

Согласно наиболее часто цитируемому определению, технофобия – это, во-первых, внутреннее сопротивление, возникающее у людей, когда они думают или говорят о новой технологии; во-вторых, страх или тревога, связанная с использованием технологии; в-третьих, враждебные или агрессивные установки в отношении новой технологии (Brosnan, 1998). Данный феномен имеет когнитивные, эмоциональные и поведенческие компоненты. Он складывается из: 1) негативно окрашенных представлений о новой технологии в целом и о ее воздействии на общество; 2) тревоги в связи с текущим или предвосхищаемым взаимодействием с ней; 3) самопорицания во время пользования технологией. Исследования С. Торпа и М. Броснана выявили у клинических технофобов симптомы, сходные с переживаниями арахнофобов при контакте с пауками (Smith, 2016).

Технофобия более характерна для женщин, чем для мужчин (Войсунский, 2004; Градина, 2012; Gilbert, Lee Kelley, Barton, 2009). Возможно, это связано с гендерными различиями в подходах к освоению новых технологий.

Как показывают исследования ВЦИОМ и Pew Research Center, готовность к использованию новых технологий прямо связана с уровнем образования и доходов (Нанотехнологии., 2008; Smith, 2016). Технофобия связана с рядом личностных характеристик, таких как уровень тревожности, когнитивный стиль и – в наибольшей степени – самооффективность (Kennedy, Funk, 2016). Интерес к новым технологиям связан с рядом личностных характеристик по шкалам «Большой пятерки». Он более характерен для респондентов с высоким уровнем открытости к новому и интроверсией и менее – для людей с высокой сознательностью (ibid.).

Исследования технофобии у пользователей Интернета показывают, что она негативно связана с количеством часов непрерывного использования, однако не обнаруживает никакой связи с общей частотой пользования Интернетом (Joiner, Gavin, Brosnan, 2012). Иными словами, особенностью технофобии является негативное отношение к технологии при невозможности устранить контакт с ней.

Социально-психологические механизмы отношения личности к новым технологиям

Отношение к новым технологиям включает в себя когнитивные составляющие (представления о возможностях и ограничениях технологии, процессе ее создания и применения), эмоционально-оценочные (степень значимости технологии для личности или группы, а также выраженность и знак оценки ее использования), поведенческие составляющие (готовность личности и группы к их использованию в тех или иных ситуациях).

В своем исследовании феномена технофобии М. Броснан связывает готовность пользоваться технологией с оценкой ее полезности для решения конкретной задачи. Воспринимаемая полезность, в свою очередь, определяется предшествующим опытом, оценкой трудоемкости освоения технологии, а также уровнем тревоги, который зависит от испытываемого чувства удовольствия при использовании технологии, а также от самооффективности (Brosnan, 1998).

Подобно отношениям между людьми, отношение к новым технологиям можно рассматривать как более или менее доверительное. Под доверием технике А. Б. Купрейченко понимает специфическое психологическое отношение человека, выражающее его представления, эмоциональные реакции и готовность к выполнению профессиональных задач с помощью техники (Купрейченко, 2014). Как показывают исследования А. А. Обознова и А. Ю. Акимовой, доверие технике может различаться по оценке ее надежности, т. е. стабильности и исправности работы, а также по оценке личностью собственной способности управлять ею (Обознов,

2016). По-видимому, технофобию можно охарактеризовать как более или менее выраженное недоверие к технике. Однако с учетом того, что технофобы не могут полностью исключить пользование технологией, следует предположить, что отношение к технологии как к социально опасной может сочетаться с высокой оценкой собственной способности к ее использованию.

Новые технологии включены в систему психологических отношений личности (Позняков, 2013), в систему социальных представлений о будущем (Емельянова, 2013, 2016а; Нестик, 2014а). Социально-психологический контекст технофобии становится очевидным, как только мы перестаем рассматривать пользователей новой технологии как пассивных реципиентов технического прогресса и признаем в них активных участников формирования технологии. Именно такое понимание отношения к технологии и глобальным технологическим рискам предлагают конструкционистская и интеракционистская парадигмы, получившие широкое признание в культурной антропологии: это концепция социального конструирования технологии В. Байджера и Т. Пинча (Pinch, Bijker, 1987), модель «одомашнивания» технологии Р. Сильверстоуна, а также акторно-сетевая теория Б. Латура (Silverstone, 2006).

Согласно концепции социального конструирования технологии, новая технология обладает интерпретативной гибкостью: затронутые ею социальные группы взаимодействуют друг с другом, наделяя новый продукт или услугу различными смыслами, изменяя представления о том, какими должны быть дизайн, функциональность и правила использования инновационного продукта. Межгрупповое взаимодействие может носить форму конфликта или подчинения интересов одной социальной группы интересам другой (например, при переходе к массовому производству производители ламп приняли стандарты, навязанные производителями электроэнергии).

Другой пример «переговоров» приводят Т. Пинч и В. Байджер в связи с распространением велосипеда. Постепенно на место «мужской» модели с большим передним колесом пришла более привычная для нас форма велосипеда, разработанная для женщин и подростков (Pinch, Bijker, 1987).

В создании новых технологий и научного знания на глобальном уровне активно участвуют непрофессиональные группы. Часть из них оказываются затронутыми технологиями и успешно мобилизуют социальное партнерство, привлекая к своей проблеме внимание спонсоров, СМИ, ученых и чиновников. Например, это нередко удается ассоциациям пациентов, страдающих от одной и той же болезни. Вместе с тем существуют группы отверженных или «сирот», интересы которых не учтены в сложившейся социально-экономической системе, и они пытаются защищать эти свои интересы, создавая альтернативные инновационные сообщества. Типичный пример – глобальные и национальные сообщества интернет-хакеров (Callon, Rabearisoa, 2008). Конструирование представлений о новых технологиях на групповом уровне наиболее интенсивно происходит в пользовательских сообществах при обмене опытом.

Обмен техническими знаниями в пользовательских сообществах имеет свою специфику, хорошо подмеченную Н. В. Богатырь как «кризисное прочтение технологии» (Богатырь, 2012). Совместный поиск решения в конкретной проблемной ситуации здесь часто сосредоточен на определении контекста произошедшего, угадывании малозначимых на первый взгляд деталей, когда устройство рассматривается как уникальная комбинация характеристик пользователя, особенностей технологии и условий эксплуатации. Переговоры между релевантными социальными группами приводят к стабилизации отношения к технологии и к формированию «технологического фрейма», т. е. устойчивой воспроизводимой системы социальных представлений о конкретной технологии и ее месте в обществе (Богатырь, 2012; Klein, Kleinman, 2002).

В концепции Р. Сильверстоуна аналогичный процесс описывается как «одомашнивание» технологий, аналогичное тому, как 10 тысяч лет назад человек приручал домашних животных. Доместикация понимается как совместное творчество (Нестик, Журавлев, 2011, 2016), в

ходе которого пользователи публично конструируют технологию, создают культуру ее потребления (Silverstone, 2006). В рамках доместикации технологии в домохозяйстве или организации осуществляется целый ряд процессов (Heidenreich, Wittkowski, Handrich, Falk, 2015): ее присвоение (переговоры по поводу возможного использования и приобретения), инкорпорация (нахождение конкретного места для технологии в доме), объективация (включение в рутинные процедуры, домашние ритуалы, т. е. во временную структуру жизнедеятельности), а также конвертация (разработка способов использования технологии для подчеркивания своей социальной идентичности, т. е. то, как мы говорим об этой технологии и показываем ее другим). В масштабах всего общества одомашниваемая технология проходит путь от удовольствия для избранных к повседневной необходимости (Pantzar, 1997).

Исследователи выделяют несколько стадий принятия новых технологий обществом. Технологии сначала выступают в качестве «игрушек»; затем они становятся «зеркалом» для самого общества, когда собственно техническая сторона продукта делается привычной, отходит на второй план, и внимание пользователей сосредоточивается на его полезных свойствах, переходит с формы на передаваемое содержание; наконец, на третьем этапе своего развития технология начинает использоваться как форма искусства. Именно так, по мнению П. Левинсона, менялось отношение к средствам звуко- и видеозаписи (Levinson, 1985).

Как видим, положительное или отрицательное отношение к технологии может быть парциальным, т. е. касаться отдельных ее сторон, или генерализованным, оно может быть связано с той или иной стадией ее «одомашнивания» в семье или на работе.

Технофобия может возникнуть на разных стадиях развития самой технологии, каждая из которых олицетворяется разными социальными группами пользователей. При этом отношение к технологии опосредовано отношениями с другими людьми, социальной идентификацией и социальным сравнением.

Технофобия и технофилия являются разными способами социального конструирования и одомашнивания технологий, предполагающими разное видение места технологии в своей жизни и обществе. Это подтверждается исследованием цифровой компетентности, которое было выполнено в 2013 г. при поддержке компании Google среди родителей российских подростков (N = 1209) совместно с Аналитическим центром Юрия Левады по специально разработанной методике Фонда Развития «Интернет» (Солдатова, Нестик, Рассказова, Зотова, 2013). Данные проведенного эмпирического исследования позволяют сделать вывод о том, что технофобия и технофилия проявляются не столько в интенсивности пользования Интернетом, сколько в разных профилях интернет-активности и разных моделях цифровой компетентности. Пользовательский опыт и навыки технофобов связаны в основном с поиском информации, тогда как ядром модели цифровой компетентности у технофилов является использование Интернета как средства общения. Иными словами, для технофобов технология не связана с другими людьми, она как бы «заслоняет собой» социальный мир. Это существенно снижает возможности технофобов по конструированию и «одомашниванию» новых технологий. Они «выключены» из жизни пользовательских сообществ, реже берут на себя активные социальные роли в интернет-пространстве, в качестве пользователей они исключены из совместного творчества (Нестик, Журавлев, 2011), из процессов обмена опытом и обсуждения места новой технологии в обществе. Это проявляется и в их отношениях с собственными детьми: по сравнению с технофилами, технофобы значительно реже обсуждают опыт пользования сетью с ребенком, реже интересуются успехами и проблемами детей при овладении интернет-технологиями (Нестик, Солдатова, 2016; Солдатова, Нестик, 2016).

Психологические особенности новых технологий

Межличностные и межгрупповые взаимодействия, в ходе которых «одомашниваются» новые технологии, определяются не только личностными и групповыми особенностями, но и характеристиками самой технологии. В частности, психологическая специфика новых технологий тесно связана со степенью их включенности в процессы групповой идентификации и социального сравнения. Пока сфера применения технологии не создает угрозы для групповой идентичности и не влияет на соблюдение этических ценностей, отношение к ней является нейтральным или даже позитивным. К таким технологиям можно отнести нанотехнологии, новые способы получения и хранения энергии, автоматизацию производства и транспорта, а также, по-видимому, некоторые когнитивные технологии. Недавно проведенное исследование показывает, что примерно 50 % опрошенных американцев в будущем согласились бы сесть в машину, управляемую искусственным интеллектом. Однако есть технологии, которые респонденты меньше всего готовы принять: использование генной инженерии, применение роботов для ухода за пожилыми родителями, свободу полетов для частных дронов, использование людьми имплантированных в мозг электронных устройств, потребление в пищу продуктов, выращенных в лаборатории (Smith, 2016). Ярким примером зависимости отношения к технологии от ее влияния на поведение, регулируемое групповыми ценностями, стали очки расширенной реальности Google Glass. Как только стало очевидным, что обладатели этих очков получают возможность записывать и транслировать действия окружающих, нарушая границы между «частным» и «публичным», первоначальная популярность этого гаджета тут же сменилась общественным осуждением.

Значимость психологических особенностей технологии хорошо видна по различному отношению к нанотехнологиям и биотехнологиям в массовом сознании. Угрозы и преимущества от использования обоих типов технологий являются вполне сопоставимыми. Между тем, нанотехнологии принимаются более позитивно, тогда как отношение к биотехнологиям остается крайне настороженным.

Одна из особенностей нанотехнологии состоит в том, что она «устраняет» первичные природные качества материалов, обладающие социально закрепленным значением: при необходимости один и тот же материал может изменить цвет, форму и функциональные свойства (Аршинов, 2010). Иными словами, вещи, созданные с применением нанотехнологий, становятся «текучими», их свойства в данный момент определяются вкусами, интересами конкретных людей. Возрастает субъективность, воспринимаемая и осознаваемая спроектированность окружающего личностью мира. Нанотехнологии могут радикально изменить мир, однако последствия их применения остаются незримыми, им трудно найти соответствия в жизненном опыте. При этом нанотехнологии не включены в процессы групповой идентификации и межгруппового сравнения, не меняют поведение людей в сферах деятельности, регулируемых этическими ценностями и нормами. Это объясняет, почему 41 % опрошенных россиян плохо понимают, что такое нанотехнологии, но около 50 % ожидают положительных последствий от их применения (Зарубина, 2015).

Совсем иначе обстоят дела с биотехнологиями. Темпы роста рынка биотехнологий составляют 20–30 % в год. Около 60 % рынка составляют биофармацевтические препараты и биомедицина, 28 % – биоматериалы промышленного назначения и только 12 % – агропищевая продукция (Куксон, 2016). Несмотря на то, что пищевые продукты являются незначительной частью глобального рынка биотехнологий, коллективные страхи связаны именно с пищей (повышенная токсичность и аллергические реакции на трансгенные белки, особенно у детей до 4 лет; риск возникновения рака и мутагенных последствий длительного употребления в пищу ГМО и т. д.). Действительно, темпы развития индустрии генномодифицированных продуктов

кажутся ошеломляющими. С 1996 по 2013 г. мировые площади посевов генномодифицированных культур возросли более чем в 100 раз. Наиболее активно ГМО используются в США, где более 90 % посевных площадей заняты трансгенными сортами растений (Разумовский, 2015). Более половины всех генномодифицированных зерновых (54 %) выращивается в Южной Америке, Азии и Африке (Куксон, 2015). Проведенные за последние 10 лет эмпирические исследования не выявили вреда для организма человека от употребления в пищу ГМО. Опасность ГМО связана не столько с пищевыми, сколько с экологическими и агротехническими рисками (сокращение биологического разнообразия, изменение состава почв, ухудшение качества сельскохозяйственных и т. д.). Подавляющее большинство россиян считает, что генномодифицированные продукты могут представлять опасность для здоровья. Согласно исследованию ВЦИОМ, проведенному в мае 2014 г., 54 % россиян не стали бы покупать содержащие ГМО продукты. Согласно опросу ВЦИОМ, проведенному в октябре 2014 г., 82 % респондентов считают, что ГМО вредят здоровью и подлежат запрету. При этом лишь 55 % знают, как расшифровывается аббревиатура ГМО (Иваненко, 2011; Кругликова, 2016; Максименко, Пичугина, Шмигирилова, Панкратова, 2016). Риски, связанные с биотехнологиями, имеют ряд психологических особенностей, делающих их релевантными для межгруппового взаимодействия и подстегивающих формирование коллективных страхов.

Чем объясняется такое внимание общественного сознания к ГМО-технологиям? Во-первых, чрезвычайно важной психологической особенностью биотехнологий является их участие в подтверждении групповой идентичности. На протяжении тысячелетий технологии производства, приготовления и потребления пищи регулировались не столько экономическими соображениями, сколько национальными традициями. Не случайно появление генномодифицированных продуктов и различных искусственных пищевых добавок в России оказалось сопряжено с формированием иерархии продуктов, дифференциации пищи на «свою» и «чужую». Например, продукты без сои не только стоят дороже, их производители еще и делают ставку на традиционность бренда, аутентичный вкус и запах (Кравченко, 2014). В массовом сознании «свои» продукты ассоциируются с традиционными биотехнологиями, «чужие», напротив, воспринимаются как продукты зарубежного производства с неестественными вкусовыми качествами, сделанные с применением вредных технологий. Кроме того, в ходе социального расслоения по уровню доходов и качеству жизни потребление экологически чистых продуктов становится маркером принадлежности к благополучным слоям общества.

Во-вторых, контакт с «искусственными» продуктами неизбежен, но регулируется не государственными или научными стандартами, а исключительно самим индивидом. Поколения россиян, выросшие в советское время, привыкли к тому, что государство контролирует качество сельскохозяйственных продуктов и формирует единые стандарты в области питания. Вместе с распространением неолиберальной биополитики и стандартов превентивной медицины ответственность за болезни переносится с государства на самого человека. Положительные или отрицательные последствия потребления продуктов, полученных с применением медицинских и биологических технологий, зависят не от заботы государства, а от личного выбора каждого (Зарубина, 2015).

В-третьих, биотехнологии напрямую затрагивают базовые ценности общества: вопросы жизни и смерти, определения границ между человеческим и нечеловеческим, нормальным и ненормальным. В общественном сознании телесное связано с нравственным. С одной стороны, в биотехнологиях видят возможность продления жизни, а с другой – угрозу невиданных ранее болезней и вырождения.

Отдельного внимания заслуживает проблема отношения личности и группы к социальным и психологическим технологиям (Журавлев, Нестик, 2011). Кем-то психологические технологии могут рассматриваться как своего рода панацея от жизненных трудностей или гарантия карьерного успеха, а кто-то относится к ним с крайним недоверием, как и к технологиям в

целом (Dinello, 2015; Kass, 1993). Задача построения психологической типологии отношения личности и группы к социальным технологиям (в частности, собственно психологическим) остается до сих пор нерешенной.

Специфика *психологических технологий* состоит в том, что их применение представляет собой межсубъектное взаимодействие даже в тех случаях, когда одна сторона рассматривает другую лишь в качестве объекта. Большинство психологических технологий представляет собой преимущественно личностное и высококонтекстное знание, а их применение является социальным взаимодействием и в ряде случаев даже сотворчеством. Кроме того, психологические технологии, как и любое социальное знание, являются частью групповой идеологии: они создаются и используются конкретными людьми, идентифицирующими себя с конкретными социальными группами. Большой интерес представляют групповые цели авторов и «пользователей психологических технологий, а также культурно-исторический контекст появления таких технологий. Например, для понимания возможностей и ограничений технологий психологического воздействия в массовых коммуникациях (Психологическое воздействие., 2014) важно учитывать, что они первоначально разрабатывались для проведения политических кампаний и военных психологических операций, служили инструментом во взаимодействии «победитель – побежденный». С позиции социальной психологии чрезвычайно важной задачей является прояснение роли, которую играют в создании и использовании психологических технологий внутригрупповые и межгрупповые процессы. Речь идет о социальной категоризации и социальном сравнении, о выраженности групповой идентичности и зрелости самосознания группы, о групповых ценностях и нормах, регулирующих использование той или иной психологической технологии.

* * *

Нами было показано, что технофобия и технофилия являются социально-психологическими феноменами, возникновение которых невозможно объяснить одними только личностными характеристиками пользователей. Технофобия имеет когнитивные, эмоциональные и поведенческие компоненты. Наряду с индивидуальными факторами (самоэффективность, открытость новому опыту, уровень тревожности, пользовательский опыт, эмоциональное состояние и др.), на формирование технофобии оказывают влияние межличностные (общение с коллегами, друзьями и родственниками по поводу технологии), групповые и межгрупповые (столкновение интересов различных релевантных групп в связи с появлением новых технологий, групповые стереотипы, т. е. представления о типичных пользователях данной технологии, ее разработчиках и т. д.), а также социетальные (массовая культура и СМИ, уровень технологического и экономического развития страны, кросс-культурные особенности) факторы.

В заключение хотелось бы наметить несколько направлений, в которых изучение феномена технофобии представляется нам наиболее перспективным. Во-первых, это исследование отношения личности и группы к новым цифровым технологиям, пока еще только проникающим на российский рынок или находящимся в разработке: SD-принтеры, расширенная реальность и технологии телеприсутствия, последствия использования Big Data для контроля над пользователями, формирование Интернета вещей, в перспективе – возникновение нейронета. Понимание того, как конструируются представления об этих новых технологиях, не только имеет практическую ценность для инновационных компаний, но и позволяет найти способы преодоления технофобии в масштабах крупных социальных групп и всего общества, открывает путь к формированию рефлексивной и ответственной позиции «цифрового» гражданина перед лицом технологических рисков.

Во-вторых, развитие семантического Интернета, искусственного интеллекта и проникновение экспертных систем в повседневную жизнь ставят еще один вопрос о том, как форми-

руется отношение к технологии в ситуации, когда сама технология выступает активным «субъектом» отношений. С развитием умных сред и Интернета вещей идея «технического субъекта» перестает быть метафорой. Представьте себе увиденную вами картину в музее, которая начинает присылать вам письма, или холодильник, который следит за калориями в вашей пище и не открывается, потому что, как ему сообщил ваш смартфон, вы не сделали сегодня достаточного числа шагов. Развитие цифровых технологий ставит вопрос не только о доверии человека к машине, но и о более широкой гамме психологических состояний, которые ранее считались характерными только для межличностных отношений.

В-третьих, малоизученной остается роль групповых и межгрупповых факторов в возникновении и трансляции технофобии. Неясны механизмы трансляции отношения к технологии от старожилов к новичкам внутри малых групп: трудовых и образовательных коллективов, внутри семьи и дружеских компаний. По-прежнему мало известно о том, как на отношение к технологиям влияет множественная групповая идентичность пользователей, их представления о других пользователях, разработчиках, инвесторах и других заинтересованных сторонах новой технологии. Большой интерес в связи с этим представляют социально-психологические факторы, влияющие на формирование образа технологии в пользовательских сообществах и социальных сетях. Наши данные, как и исследования других специалистов, указывают на то, что было бы ошибкой связывать технофобию с низкой технической и цифровой грамотностью пользователей. Овладевая новыми технологиями с разными целями, различные группы пользователей конструируют разные технологические фреймы – коллективные представления, оправдывающие и закрепляющие доверие или недоверие к технологии.

Наконец, все большую актуальность приобретает изучение различных способов участия пользователей в создании новых цифровых продуктов и услуг. Формируется новая парадигма бизнес-моделей и способов взаимодействия с пользователем, при которой он из потребителя превращается в полноправного создателя (Ramaswamy, Ozcan, 2014; Verleye, Jaakkola, Helkkula, Aarikka Stenroos, 2015). Могут ли быть технофобы включены в эти практики? Как они реагируют на вовлечение в диалог и сотворчество через новые цифровые услуги? Какую роль при этом играют другие пользователи? Некоторые исследования позволяют предположить, что неудачный опыт такой совместной деятельности может приводить к технофобии (Heidenreich, Wittkowski, Handrich, Falk, 2015). Очевидно, что с развитием цифрового мира технофобия превращается из традиционной проблемы инженерной психологии во все более актуальную социально-психологическую проблему, возникающую и проявляющуюся в межличностном и межгрупповом взаимодействии.

Глава 3

Групповые факторы обмена знаниями: функции и механизмы

Управление знаниями как объект психологического исследования

Наступление эпохи «экономики знаний», когда технологии, интеллектуальная собственность, знания и способности персонала, общая способность организации к обучению превращаются в основную форму активов – интеллектуальный капитал, выдвинуло новую тему для социальной психологии: психологические аспекты управления знаниями в группах и организациях.

В поле зрения экономической и организационной психологии попадают новые феномены экономического поведения: интеллектуальное предпринимательство, поведение индивидуальных и корпоративных потребителей на рынках знаний, инвестиционное поведение на рынках интеллектуального капитала, конфликты по поводу интеллектуальной собственности и др.

Знания становятся экономическим объектом, а обмен ими – видом экономической активности, влияющим на отношение к другим категориям экономического сознания: нередко финансовые и материальные активы могут оцениваться ниже, чем интеллектуальные.

Одним из следствий растущей значимости знаний и организационного научения в экономике стало использование управления знаниями как одновременно и новой функции управления, и как особого вида совместной деятельности. Управление знаниями представляет собой систему мероприятий, процедур и норм корпоративной культуры, поддерживающих приобретение и создание, описание и систематизацию (кодификацию), хранение и востребование, передачу и использование знаний в организации. Само знание при этом понимается не только как информация, готовая к тому, чтобы быть высказанной или записанной в виде суждений, алгоритмов и правил. Знание может быть неявным, т. е. трудно вербализуемым интуитивными оценками, опытом и навыками, которые не осознаются самими их носителями. Поэтому, с точки зрения И. Нонака и Х. Такеучи, обмен знаниями в совместной деятельности представляет собой взаимопревращение явных и неявных знаний (Nonaka et al., 2001; Nonaka, 2004; Gourlay, 2006): в ходе социализации (обмен неявными знаниями), экстернализации (превращение неявных знаний в явные), комбинирования (обмен явными знаниями) и интернализации (превращение явных знаний в неявные).

Роль этих процессов в современных организациях столь велика, что для управления ими стали выделяться специальные должности: менеджер по управлению знаниями, начальник отдела внутренних знаний и т. п., а сама эта деятельность превращается в самостоятельную профессию (Lengnick-Hall, Lengnick-Hall, 2002). Показателями эффективного управления знаниями могут служить, например, отслеживание тенденций за пределами организации (например, сравнение своей организации с передовыми компаниями); освоение сотрудниками навыков творческого мышления и применения нестандартных подходов; организация пилотных проектов, в ходе которых опробуются новые подходы к разработке продуктов и/или предоставлению услуг; внедрение специально разработанных систем и процедур, обеспечивающих упорядочение важных знаний, их сохранение и доступность для тех, кто в них нуждается и может использовать; постоянная разработка новых способов и технологий для обмена знаниями внутри компании (Marquardt, 2001).

Знания несводимы к информации, т. е. к данным, имеющим лишь потенциальное значение для принятия решения. Выделяют три важных различия между информацией и знанием:

знание тесно связано с его носителем; знание сложнее передать, чем информацию; знание сложнее понять и усвоить (Smalla, Sage, 2006). Согласно Ф. Дрекке, руководствуясь информацией, мы способны судить, какую часть знания следует усвоить; знание – это производное от информации, основанное на ней убеждение (Dretske, 1981).

Наряду с индивидуальным знанием, выделяют организационное знание, которое охватывает как индивидуальные знания, так и коллективную память сотрудников (Smalla, Sage, 2006; Ходкинсон, Сперроу, 2007). Неоднократно предпринимались попытки создать классификацию организационных знаний. Наиболее известными в области управления знаниями являются классические работы японских исследователей Нонака и Такеучи. Именно их определения двух форм знания – скрытой и явной – используются наиболее часто. Явное знание – это то, которое может быть выражено в виде слов и цифр и передаваться в формализованном виде на соответствующих носителях. Неявное знание – это знание, которое не формализуется и может существовать лишь вместе с его обладателем – конкретным человеком или группой лиц (Нонака, Такеучи, 2003). Определение неявного знания восходит к концепции личностного знания М. Полани, который утверждал, что мы знаем больше, чем можем сказать (Полани, 1985). Позднее Нонака и Такеучи описали это личностное, неявное знание как состоящее из технических навыков, умственных моделей и интуиции. Обе формы знания возникают изначально как индивидуальное знание, но для того, чтобы быть использованными для существенного улучшения деятельности организации, они должны быть преобразованы в организационное знание (Нонака, Такеучи, 2003).

В лаборатории социальной и экономической психологии Института психологии РАН Т.А. Нестиком совместно с И. В. Никитенко было проведено исследование с целью выявления содержания представлений руководителей и специалистов российских компаний о феномене «знания» (Нестик, 2009). Как показали результаты контент-анализа, знания ассоциируются не только с информацией, но и с личными качествами, властью, общением, карьерными возможностями, нормами и ценностями. Для большинства опрошенных «знания» ассоциируются с личными качествами сотрудника (31,6 %); с источниками знаний (16,5 %); личным опытом (12 %). Таким образом, знания – это не просто информация, они неотделимы от отношений личности с другими людьми, включают в себя личностные смыслы, когнитивные и эмоциональные компоненты, т. е. имеют социально-психологическую природу.

На протяжении нескольких десятилетий знания являются предметом исследования для целого ряда научных направлений в социальных науках. Так, в области экономических наук изучается влияние интеллектуального капитала и обмена знаниями на экономическую эффективность отдельных организаций, альянсов и рынков, роль знаний в формировании национальной и мировой экономики (Мильнер, 2003; Нонака, Такеучи, 2003; Эдвинссон, 2005). В рамках социологии знаний рассматриваются социокультурные и политические аспекты формирования и трансляции знаний в современном обществе (Бергер, Лукман, 1995; Лиотар, 1998; Манхейм, 2000; Bloor, 1991; Latour, Woolgar, 1986; Нугаев, 1997).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.